

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1994 г., ЭО, № 4

А. Д. Саватеев

ЭТНОС И ГОСУДАРСТВО (на примере Гвинеи)

Современная действительность государств, расстающихся с тоталитаризмом и авторитаризмом, показывает, какое важное значение в их жизни начинает играть этнический фактор, порой ставящий на грань распада эти страны. Неурегулированность административных границ, как правило, не совпадающих с пределами расселения народов, взаимные подозрительность, претензии и амбиции местных лидеров, спешащих вознестись к вершинам власти на волне национализма и, со своей стороны, подогревающих эти настроения, — такой предстает ситуация в ряде европейских, азиатских и африканских стран, где рушатся основы единственной, господствовавшей идеологии.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Всегда ли уничтожение тоталитарной или авторитарной политической системы имеет следствием резкое обострение межэтнических распрей? Каков механизм взаимосвязи происходящих радикальных изменений в политике с этническими «взрывами»? Характерны ли эти взрывные процессы для государств развивающихся в той же мере, что и для обладающих многовековой историей? Наконец, каковы закономерности кардинальных изменений в этнополитической сфере для африканских государств?

Разумеется, столь содержательные вопросы требуют широких и глубоких исследований, которые невозможно осуществить в рамках статьи. Поэтому ограничимся лишь некоторыми ответами на поставленные вопросы, анализируя опыт Гвинейской Республики. Там в 1984 г. после смерти президента Ахмеда Секу Туре начался процесс перехода к демократии, и этнический фактор не раз демонстрировал свое важное значение.

В 1958 г. после 60-летнего периода французского колониального господства Гвинея получила независимость. Площадь страны 245,9 тыс. кв. км; численность населения, по официальным данным 1984 г., 5301 тыс. человек¹ при средней плотности 21,6 человека на 1 кв. км. Наиболее густо заселены плато Фута-Джаллон в центральной части Гвинеи, где возникла проблема относительного перенаселения, Приатлантическая низменность и верховья Нигера. В указанных районах на 1 кв. км приходится 50—80 человек. Наименьшая плотность населения в ряде районов Верхней Гвинеи и в Лесной Гвинеи: 5 и менее человек на 1 кв. км².

В республике насчитывается более трех десятков народов. Подавляющее большинство населения относится к нигеро-кордофанской языковой семье, представленной народами подгруппы манде — 51% жителей страны, — и западноатлантической подгруппы — 48,9%. В подгруппу манде входят малинке (1200 тыс.), конья (130 тыс.), коранко (100 тыс.), бамбара (25 тыс.), коно (50 тыс.), микифора (10 тыс.), небольшое число диула. Все вместе они образуют группу северных манде (манде-тан). К южным манде (манде-фу) относятся сусу (570 тыс.), кпелле, или герзе (240 тыс.), диалонке (150 тыс.), лома, или тома (120 тыс.), мано (25 тыс.), банди (10 тыс.)³.

Малинке и хасонке (метисы малинке и фульбе), не образующие особую общность, населяют внутренние равнинные области страны, верховья рек Нигер и Мило; отдельные их группы рассеяны в Лесной Гвинее. Конья живут на север от г. Бейла, а коранко — на северо-восток от г. Кисидугу. Бамбара расселены главным образом в районах, прилегающих к Мали, а коно — на юге Лесной Гвинеи. Микифора обитают в районе г. Боке.

Южные манде расселены еще более разбросанно. Большая часть сусу живет в юго-западной, прибрежной части страны, прежде всего в Конакри и соседних районах ⁴, герзе и ману — на юге Лесной Гвинеи. Диалонке, составлявшие раньше основное население Фута-Джаллона, в ходе фульбских джихадов XVII—XIX вв. были частично оттеснены к окраинам плато, частично покорены и сейчас сосредоточены главным образом в восточной и северо-восточной частях нагорья Фута-Джаллон, а также вдоль границ с Сенегалом, Мали и Сьерра-Леоне. В центре Лесной Гвинеи, по границе с Либерией, живут лома и банди.

Западноатлантическая подгруппа представлена прежде всего самым крупным народом Гвинеи — фульбе (2 млн., или 38,6% населения), кисси (310 тыс.), бага, подразделяющимися на собственно бага и бага-форе (100 тыс. человек в совокупности), тенда, включающими племена бадьранке, коньяги и бассари, собственно тенда и тенда-боени общей численностью примерно 60 тыс. человек, ландума (20 тыс.), тиапи (15 тыс.), налу (10 тыс.), диола (5 тыс.), немногочисленным здесь народом тукулер.

Гвинейские фульбе, составляющие небольшую часть приближающегося к 17 млн. фульбского этноса ⁵, разбросанного от Сенегала до Камеруна, населяют в основном центр страны с плато Фута-Джаллон, но их можно встретить и в других областях страны. На юго-востоке в округах Кисидугу, Гекеду и Масента компактно живут кисси; часть их находится также в Сьерра-Леоне и Либерии. Близкие к ним по культуре и языку бага, ммани, ландума и налу, именуемые «береговыми народами», обитают в Приморской (Нижней) Гвинее: бага — на границе областей Боке и Боффа, ландума — в центральных районах области Боке, а также на западе страны, у границы с Гвинеей-Бисау; налу — в западной части области Боке. Родственный ландума народ тиапи населяет сопредельные с ними области Гауаль и Телимеле. Тенда, которых считают древнейшим народом западносуданского региона, расселены вдоль границ с Сенегалом и Гвинеей-Бисау, в области Юкункун, а также в названных выше странах. Многие тенда в последние годы переместились в города. Рядом с ними обитают диола, основная часть которых расселена в Сенегале. В Гвинее проживают также около 5 тыс. волоф, входящих в ту же западноатлантическую подгруппу. Это одна из главных этнических групп Сенегала и Гамбии ⁶.

Помимо собственно африканцев в Гвинее живут и европейцы — французы (1 тыс.). Есть здесь азиаты — ливанцы (1 тыс.) и сирийцы, которые предпочитают главным образом Конакри. В этом городе живут и 2 тыс. мавров, т. е. западносахарских арабов ⁷. Таким образом, с точки зрения этнической структуры, согласно типологии Ю. В. Бромлея, Гвинею можно отнести к третьей группе стран ⁸: фульбе насчитывают более трети, но менее половины населения.

Как уже сказано, наиболее древнее население Гвинеи — народы тенда: коньяги, бассари, бадьранке, тенда-боени, тенда-майо. В быту они во многом сохраняют архаические черты, исповедуют прежде всего африканские традиционные религии, за исключением тех бассари, которые в XIX в. приняли ислам и получили название тенда-боени. Основным их занятием остается земледелие и охота. Бассари единственные в Гвинее продолжают придерживаться матрилинейного счета родства.

Этнографы классифицируют указанные народы как «палеонегритские» или «древнесуданские». Их появление на современной территории некоторые исследователи относят к XVI в. Покорение части тенда фульбской знатью не привело к серьезному восприятию ими духовных ценностей завоевателей ⁹. Однако в последние десятилетия влияние культуры фульбе и принесенного ими ислама

усилилось. Бадьяранке издавна находятся под культурным влиянием мандеязычных народов ¹⁰.

Сонинке, малинке и другие мандеязычные этносы Западного Судана создали государства Гана (XI в.) и Мали (XIII в.), древних обитателей которых, населявших междуречье Нигера и Сенегала, именуют мандингами ¹¹. Под властью правителей малинке оказались многие народы Западного Судана. Это, в частности, способствовало распространению языка малинке. Отражением в фольклоре этого периода в истории народов манде стала легенда о жившем в XIII в. царе Сундьяте Кейте, герое народных сказаний ¹². Позднее, в XV—XVII вв., когда Мали прекратило свое существование, мандингские этносы частично оказались в сфере влияния Сонгайской державы ¹³.

В основе этнической консолидации народов Западного Судана, как писал Д. А. Ольдерогге, лежало сходство их общественной организации и единство хозяйственно-культурного комплекса ¹⁴. О степени консолидации свидетельствует, в частности, распространение единых «клановых имен» (джаму) среди мандинго ¹⁵.

Дальнейшее усиление роли народов манде, и в частности малинке, в предколониальный период (конец XIX в.) в Западном Судане обусловлено созданием государства во главе с альмами Самори Туре, диула по происхождению. Он сумел добиться объединения ряда народов западносуданского региона вокруг манде путем насаждения ислама ¹⁶, что привело к возвышению в первую очередь малинке. Не случайно в колониальный период язык малинке помимо французского стал официальным языком в войсках, рекрутированных на территории Французской Западной Африки. Малинке оказали влияние и на народы Лесной Гвинеи, куда те начали проникать в XVIII—XIX вв. Именно с малинке связано постепенное распространение в этом регионе ислама, появление новых сельскохозяйственных культур, ряда социальных обычаев, культурных норм. Язык малинке становится языком межнационального общения для некоторых небольших этнических общностей или части их. Так, на этом языке ныне говорит населяющая несколько деревень в районе Гауаль (Фута-Джаллон) малая этническая группа диаканке (часть фульбе в верховьях р. Санкарани), именуемая вассулунке. Живущие в Средней Гвинее фульбе заимствовали у манде многие земледельческие культуры и приемы их обработки ¹⁷. Сегодня малинке, а также диула контролируют значительную часть мелкой и средней розничной торговли.

Ассимиляционные процессы ¹⁸ исторически подготовили условия для возвышения малинке в период независимости. Они сказались и на истории складывания этносоциальной общности фульбе.

Большинство ученых полагает, что предки фульбе скорее всего принадлежали к европеоидно-эфиопиоидному типу. Вероятно, они появились в Западном Судане в конце I тыс. н. э. и, постепенно продвигаясь с запада субконтинента на восток, в XVIII в. достигли Нигерии, где и расселились на землях хауса ¹⁹. Согласно местным хроникам, предки фульбе появились в Гвинее в X в. Одни исследователи датируют это событие XIII—XIV вв., другие — XV в. ²⁰. Будучи более развитыми, чем другие народы, в социально-экономическом и культурно-религиозном отношении, они до XVIII в. находились «в положении политически зависимых пришельцев» ²¹. Начавшийся в 20-х годах XVIII в. военный джихад исламизированных фульбе против язычников диалонке и фульбе-анимистов привел к политическому перевороту на Фута-Джаллоне. Здесь возникло теократическое государство во главе с фульбской знатью, просуществовавшее до конца XIX в.

Благодаря сильной военно-политической организации, превращению ислама в объединяющую народ религию, государство фульбе на Фута-Джаллоне быстро укрепилось и добилось расцвета. Этому способствовало наличие собственной письменности, в основе которой лежала арабская графика, а также широкое усвоение обогатившей словарь арабской лексики ²² и развитие письменной литературы ²³. Завоевателям удалось подавить сопротивление местных народов —

сусу, диалонке, малинке, кисси, коранко и др. и постепенно покорить их. По отношению к ним фульбе выступали в роли сословно-кастовой группы, социально и этнически чуждой основной массе иноплеменного населения. Их господство над чужеродным сервильным людом (римайбе), рабами и прочими зависимыми категориями населения обуславливалось тем, что, в отличие от коренных народов, они обладали внутренним этнорелигиозным единством. В результате даже рядовой фульбе воспринимался автохтонным населением как мусульманин-завоеватель²⁴. Память о социально унижении до сих пор живет среди народов, находившихся под властью фульбе. Особенно сильна она у сусу. Настроения угнетенных оформились в итоге в этнические предубеждения, которые выражаются, в частности, в сказаниях, песнях и поговорках. Фульбе предстают в них коварными, жестокими и глупыми.

По мере того как в XIX в. ислам становится религией большей части населения страны, возникает образ фульбе как носителей правочерия. Этому способствовали и более высокий уровень мусульманской образованности фульбе и появление в городах Фута-Джаллона — Пита, Лабе и др. — центров ислама²⁵.

С одной стороны, образ жизни, язык, кораническое образование фульбе вызвали зависть у диалонке и других находившихся в зависимости этнических групп, служили стимулом к усвоению ими фульбских культурных норм, облегчая тем самым ассимиляцию этих групп фульбе. Данный фактор продолжает оказывать свое воздействие до сих пор. С другой стороны, к XIX в. различные группы фульбе с Фута-Джаллона «были в значительной степени смешаны с сусу, диалонке, малинке, сараколе, с которыми всегда поддерживали тесные связи»²⁶.

О последнем свидетельствует и состав населения Конакри конца XIX в. Французский этнолог О. Герг именует его «космополитическим». Помимо обитавших в этих местах сусу и бага, здесь жили фульбе, сьерра-леонские менде и темне, кру из Либереи, сенегальские волоф, а также ливано-сирийцы и французы. В начале XX в. к ним, согласно переписи, добавились диалонке и малинке. Правда, каждая этническая группа тогда жила обособленно, в отдельных деревнях или кварталах²⁷.

Происходившие в колониальный период социально-политические изменения вновь и вновь обостряли, казалось бы, затухавшую вражду. Пример — официальный запрет рабства, предпринятый французскими властями колонии. Положение бывших сервов и рабов мало изменилось, порой оно даже ухудшалось, поскольку сервы в большинстве случаев не получили права владения землей. Да и крестьяне-фульбе, не говоря уже о верхушке, отнюдь не спешили делиться участками с теми, кого они по-прежнему считали людьми низшего звания. Колониальная администрация превратила фульбских вождей в свою опору, назначая их правителями в наиболее отсталые районы страны, прежде всего в Лесную Гвинею, где жили кпелле, кисси, лома²⁸.

В результате этносоциальные и этнополитические различия в гвинейском обществе в колониальный период углубились. Именно поэтому созданная в начале 50-х годов аристократией и интеллигенцией фульбе ассоциация Землячество им. Ж. Вьейра выступила против антиколониалистской Демократической партии Гвинеи (ДПГ), имевшей большую этническую основу, нежели Землячество. Фульбской верхушке было что терять в случае ликвидации зависимого статуса Гвинеи. Раздувание трибаллистских настроений, в немалой степени разделявшихся и рядовыми фульбе, стали для племенной верхушки «формой оправдания собственных привилегий»²⁹ и средством сплочения своего народа в борьбе против ДПГ и созданного ею в дальнейшем правительства страны во главе с А. Секу Туре.

Консолидационные процессы, хотя и не столь интенсивно, но все же идут и у сусу. В последние десятилетия этот народ ассимилирует южных манде (бага, ландума, тиапи, налу, микифора). На сусу говорит большая часть жителей Конакри, и этот язык наряду с пель (фульфульде) и малинке «становится языком межнационального общения»³⁰. Основное занятие сусу — земледелие, а в прибрежной зоне еще и рыболовство³¹.

Землячество им. Ж. Вьейяра не единственная организация, созданная на этнической основе. В 40—50-е годы наряду с Африканским демократическим объединением — предшественником ДПГ — возникли и такие политические группировки, как Союз манде, Гвинейский лесной союз, Союз метисов. Членство в них определялось этнической принадлежностью, племенем и языком³². Деятельность этих политических объединений, возглавляемых немногочисленными образованными гвинейцами, страдала непоследовательностью и отсутствием внутренней демократии. Указанные партии вместе с Землячеством им. Ж. Вьейяра и Комитетом единства Нижней Гвинеи в качестве противовеса ДПГ образовали в 1949 г. Комитет гвинейского согласия (КГС). В отличие от партии А. Секу Туре Комитет занял сторону колониальных властей, рассчитывая с их помощью защитить интересы стоявшей за ним феодально-племенной верхушки. С 1954 г. соперничество партий приобрело скорее политический, чем межплеменной, характер и сопровождалось актами насилия³³.

В независимой Гвинее вместе с тем наблюдается и этнообъединительный процесс. У таких крупных народов, как фульбе, малинке и сусу, в результате роста общенационального самосознания протекает процесс внутреннего сплочения, сглаживаются различия между существующими внутри них этнографическими группами, например между фульбе оседлыми и фульбе кочевыми (буруре), между фульбе, проживающими на Фута-Джаллоне, и фульбе из других районов страны. Стираются, хотя и медленно, кастовые разграничения внутри этих этносов.

Однако консолидация сопровождается этнической ассимиляцией со стороны фульбе, малинке и сусу небольших народов. Многие представители малых этносов не только хорошо владеют языками пель, малинке или сусу, одеваются и ведут себя, как подлинные фульбе, малинке или сусу, но и стремятся к тому, чтобы их считали таковыми, ибо это повышает их социальный статус. Например, часть бывших сервов-диалонке пытается дать детям кораническое, а не светское образование³⁴.

Интеграционные явления выражаются в определенном сближении фульбе и малинке, малинке и сусу, когда отдельные группы их воспринимают элементы культуры и языка своих соседей. Этот процесс связан с первоначальным этапом формирования общенационального рынка в результате внесения элементов капитализма. Однако действительность не подтвердила предположений некоторых ученых, в частности Ю. В. Бромлея, что такое движение открывает путь к образованию метаятнической общности — гвинейского народа³⁵.

С точки зрения этнополитики современную Гвинею, где достаточно высок накал межнациональных противоречий, который обусловлен «борьбой наиболее крупных наций за преобладание в общегосударственном масштабе», можно отнести, по классификации Ю. В. Бромлея, к третьему варианту этнополитических ситуаций³⁶. Здесь нет четко выраженного господства одной этнической группы над другой. Хотя довольно продолжительный период доминирования малинке сменился в 1984 г. преобладанием в институтах власти сусу, с которыми ведут напряженную борьбу фульбе и те же малинке.

В конституции, уставе правящей ДПГ, других государственных актах Гвинеи, ставшей в 1958 г. независимой в результате общенационального референдума, декларированы равенство народов во всех областях жизни, запрет этнической дискриминации. Государство провозглашало «равенство и солидарность всех своих граждан без различия расы, пола или религии»; «любой акт расовой дискриминации, а равно всякая пропаганда расистского или регионального характера» карались законом³⁷.

Юридические акты подкреплялись реальными действиями, в которых главную роль играла ставшая единственной партией ДПГ. Сам принцип организации партии, объединившей представителей всех этнических групп, ее политическая и идеологическая деятельность были нацелены на создание унитарного государства и должны были способствовать ликвидации этнических различий.

Предпринимались определенные усилия для подъема уровня экономического

и культурного развития отсталых народов, прежде всего лесной зоны. Восемь национальных языков — фула, малинке, сусу, кисси, лома, кпелле, бага и коно, — для которых были разработаны системы письма на основе латиницы, объявлялись официальными. В первом—седьмом классах средней школы было введено обязательное изучение и преподавание на одном из этих языков; на них же велось радиовещание; национальные языки широко использовались как средство ликвидации неграмотности³⁸. На рубеже 70—80-х годов началось преподавание на этих языках и в старших классах³⁹, а затем и в средних специальных учебных заведениях.

Осуществление всех этих мероприятий должно было способствовать ликвидации трений между различными народами и привести к этнополитической консолидации общества.

Рассматривая трибализм как одно из главных препятствий на пути реализации программы своих действий, ДПГ разработала комплекс мер, призванных предотвратить его углубление. В районы расселения одной этнической группы, как правило, губернаторами назначались выходцы из другой группы. Таким же образом этот принцип старались соблюсти и при назначении хозяйственных руководителей. Чтобы избежать «обрастания» соплеменниками и тем более родственниками, ответственные партийные и государственные работники периодически переводились на новые участки работы⁴⁰. Конечно, причины подобной перетасовки кадров объяснялись не только этническими мотивами. Секу Туре предусмотрительно не давал возможности своим противникам создавать политические союзы против его личной власти.

Антирибалистские меры остались, однако, на бумаге. Заявления главы государства о равенстве представителей всех этнических групп, о создании условий для расцвета их культуры и языка и борьбе с этнической обособленностью⁴¹ существовали сами по себе, а реальная ситуация в области межэтнических отношений — сама по себе. Она складывалась не только независимо от лозунгов, но по ряду параметров в прямом противоречии с официальной политикой. В государственный и партийный аппарат все более выдвигались представители малинке, к которым принадлежал покойный президент Секу Туре. Об этом, в частности, свидетельствуют данные 1958—1966 гг. о представительстве разных этнических групп в институтах власти, в %⁴².

Народ	Центральные органы власти	Местное управление	Госсектор
Малинке	35	50	48
Фульбе	30	24	19
Сусу	21	16	20
«Лесные народы» (герзе, лома, кисси)	8	9	7

В последующем роль малинке в политической жизни страны еще более упрочилась. Как справедливо отмечал американский журнал «Африка рипорт», «в последние годы жизни Секу Туре удалил из правительства лиц, не принадлежащих к его родному народу малинке»⁴³. Более того, в конце 70-х годов родственники президента заняли практически все ведущие посты. Так, брат главы государства Исмаил Туре возглавил сначала министерство иностранных дел, а потом министерство горнорудной промышленности; высокие посты занимали племянники Секу Туре и родственники жены. Представители других этнических групп были отстранены от принятия государственных решений.

Такое положение не устраивало политических лидеров многих народов, особенно фульбе, которые в результате проводимой национальной политики теряли

больше, чем другие этнические группы. У бывших вождей-фульбе к чувству ущемленного национального достоинства примешивалось озлобление, вызванное ликвидацией их социально-экономических привилегий. Некоторые акты революционного руководства Гвинеи ослабляли позиции феодально-теократической верхушки фульбе. В мае 1976 г. ряд лидеров фульбе попытался совершить государственный переворот, с тем чтобы изменить ориентацию страны и вернуть утраченные преимущества. Среди соплеменников эти намерения прикрывались умело используемыми аргументами о приниженном положении народа. Заговор провалился, показав серьезную потенциальную опасность обострения обстановки на межэтнической почве.

Этнический фактор в политической жизни Гвинеи сказался еще раз после смерти А. Секу Туре. 3 апреля 1984 г. в столице был совершен военный переворот, в результате которого к власти пришел Военный комитет национального возрождения (ВКНВ) во главе с полковниками Лансаной Конте (сусу по национальности) и Диаррой Траоре (малинке). Новое руководство открыло дорогу частнопредпринимательской инициативе, улучшило экономические и политические отношения с Западом, в особенности с Францией и США, одновременно поддерживая хорошие взаимосвязи с социалистическими и развивающимися странами.

В области национальной политики ВКНВ, как заявил Л. Конте, вознамерился «покончить... с расизмом», имея в виду трибализм, обеспечить всех граждан Гвинеи «одинаковыми правами и обязанностями» и руководствоваться при назначении на пост исключительно деловыми качествами кандидата, а не его этнической принадлежностью. Национальный курс режима Секу Туре военные оценили как натравливание одних этнических групп на другие, покойный президент был обвинен в «создании проблемы фульбе». Новые власти распустили ДПГ, запретили политические партии, мотивируя это тем, что в сложившейся обстановке они возникали бы на этнической основе.

В обращении главы государства к религиозным организациям, опубликованном в марте 1985 г., указывалось, что деятельность культурных или социальных организаций, созданных на этнической или другой базе, разрешается только в том случае, если она не нарушает общественного порядка и не направлена против государства.

Первые шаги в области межэтнических отношений, казалось, шли в русле с заявлениями ставшего президентом Л. Конте и премьер-министра Д. Траоре. Об этом можно было судить уже по составу ВКНВ и правительства, в которые вошли представители трех основных этнических общностей страны — фульбе, малинке, сусу⁴⁴, хотя сам президент в определении состава правительства, по его признаниям, руководствовался прежде всего принципом географического, а не этнического представительства. В стране, доказывал он, слишком много этнических групп, чтобы каждая получила правительственный мандат. В декабре 1984 г. этнический состав кабинета министров еще более расширился за счет введения в правительство представителей «лесных» народов. Прежде слабо представленные в правительстве фульбе укрепили свои позиции, получив еще несколько важных постов.

Однако расширение представительства различных этнических общностей в институтах власти, разумеется, еще не означало урегулирования межэтнических противоречий. Уже вскоре после переворота высокопоставленные представители малинке стали заявлять, что их удаляют из правительства. Скрытая напряженность между лидерами малинке и других этнических групп нарастала, выходя за рамки внутривластного соперничества.

Толчок к массовому конфликту дали кровавые стычки 21 июня 1985 г., происшедшие на городском стадионе Конакри. Как полагают, их спровоцировали сторонники покойного президента. В последующие дни в столице происходили столкновения между требовавшими возврата к прежним общественным порядкам малинке и представителями других этнических групп⁴⁵. Накалившейся обстановкой и недовольством части малинке решили воспользоваться высокопоставлен-

ные деятели из ВКНВ и правительства. В начале июля входящие в состав Военного комитета и правительства лица во главе с бывшим премьером попытались захватить власть в стране⁴⁶.

В основе попытки переворота, по словам официальных руководителей государства, лежали причины этнического характера. Впрочем, имелись и иные мнения. «Враждой между народами» объяснил происшедшее президент Л. Конте, возложив всю ответственность на главного организатора, который «хотел вовлечь малинке в межплеменную войну, распространял слухи о том, что они якобы стали жертвой несправедливости». Основой национальной политики государства, как заявил президент, по-прежнему остается сохранение этнического равновесия, «единства всех этнических групп».

Потаенные причины прорвавшейся наружу вражды малинке и сусу лежали в неравенстве социально-экономического положения тех и других: достигшие относительного материального благополучия торговцы малинке и диула вызывали зависть, а порой и ненависть некоторых представителей других народов, и чувства эти в значительной мере переносились на весь народ. Заметным явлением в середине 80-х годов стало значительное укрепление позиций сусу, особенно кланов, населяющих район Боке (80 км к северо-востоку от Конакри). Возросла и численность сусу в госаппарате, а президентская гвардия, функции которой выходят за пределы охранительных, почти полностью набрана из представителей этого народа⁴⁷. Им принадлежит и большинство ключевых постов в армейском командовании⁴⁸. Сам президент продолжает сохранять за собой пост министра обороны и руководство службой безопасности. Все это дает наглядное представление о степени концентрации власти в руках главы государства.

Лидеры сусу создали Национальное движение поддержки президента (НДПП) Л. Конте, возникшее как ответ на попытку июльского переворота 1985 г. Приглашение присоединиться к Движению получили авторитетные деятели фульбе, которые с беспокойством следили за изменениями на политической арене страны и деятельностью этой организации. В то же время НДПП было закрыто для малинке⁴⁹.

В результате общего курса правительства на демократизацию и ослабление полицейского давления оппозиция имела теперь возможность действовать более или менее легально. Она оформилась в Национальное демократическое движение (НДД), вдохновителем которого стал фульбе А. Конде. Его публицистические выступления, критикующие действия правительства, в том числе коррупцию в верхах, рост стоимости жизни, правомочность вынесения смертных приговоров и решений о тюремном заключении ряда соратников Секу Туре, явно выражали недовольство части фульбе и малинке национальной политикой Л. Конте.

Этническая ситуация в Гвинее еще раз обострилась в мае 1991 г. в связи с проведением выборов в местные органы власти. 7 мая в ряде коммун Конакри, где, как известно, большая часть жителей — сусу, прошли митинги в поддержку президента под лозунгами: «Мы не желаем авантюристов, стремящихся к власти!», «Л. Конте — залог национального единства!», «Да здравствует национальное единство!». Перед собравшимися сусу выступил глава государства. В конце того же месяца накануне выборов президент совершил рабочую поездку в префектуры Сигири, Канкан, Нзерекоре, Кисидугу, Лабэ, Киндия — самые крупные города, населенные разными народами. Обращаясь к собравшимся, он призывал к единству, осуждал «попытки подкупом разделить гвинейцев», помешать проводимым преобразованиям, т. е. перестройке страны на основе внедрения демократии в политике и рыночных методов хозяйствования в экономике.

Несмотря на активные усилия государственного лидера, декларируемую им политику национального объединения, межэтнических столкновений избежать не удалось. На сей раз они разразились в Лесной Гвинее, где часть избирателей усомнилась в достоверности результатов выборов в местные административные органы. В связи с этим Л. Конте в июле 1991 г. был вынужден посетить главные города всех четырех административно-географических районов страны. Одной из

принятых мер стало реформирование в феврале 1992 г. кабинета министров, этнический состав которого в целом отразил национальные пропорции страны. Фульбе получили в нем наибольшее количество портфелей — шесть, малинке и сусу — по четыре, а представители народов Лесной Гвинеи — три.

Еще большее значение для национального строительства имеет принятый в апреле 1991 г. ранее закон о партиях. Этим актом разрешается создавать политические организации, но не на этнической или религиозной основе. Одновременно закон, именуемый в Гвинее «величайшим достижением демократии за время независимости», запрещает пропаганду трибалистского характера, а тем более проявления национальной вражды.

Безусловно, главная заслуга режима Л. Конте не только в том, что он действительно ведет страну по пути демократизации (взять хотя бы ликвидацию карательных функций прежде всемогущей службы безопасности, переход к многопартийности), но и отсутствие крупных межэтнических конфликтов. Не обладая широкими возможностями для экономических и политических маневров, он все-таки сумел, не допустив катастрофического развала хозяйства, перевести Гвинею на рыночные рельсы, заложить «условия, которые помогли бы гвинейцам преодолеть этнические барьеры и принять широкое участие в национальном сообществе»⁵⁰. Дело еще и в том, что он, судя по всему, смог превратиться в общенационального лидера, в значительной мере расставшись с образом представителя одного народа.

Цель политических и экономических перемен в стране, состоящей из несходных территориальных единиц, по выражению исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН для Африки И. Диалло, в том, чтобы «вовлечь эти области в процесс, в результате которого выкуется нация... Будущее в этом процессе совместной работы принадлежит не трибалистам»⁵¹.

В настоящий момент фактом остается преобладание сусу на вершинах власти, пусть и не столь заметное, как гегемония малинке в период правления А. Секу Туре. Малинке болезненно переживают падение, но продолжают гордиться своей культурой и государственностью, одной из наиболее древних в западноафриканском регионе. Естественно, что линия правительства вызывает недовольство. «Даже в период правления Секу Туре Гвинея не знала такой концентрации власти в руках одного этноса», — уверял высокопоставленный чиновник, ссылаясь на тот факт, что сусу заняли высшие командные посты в армии, ключевых министерствах, а в других обычно занимают должности генеральных секретарей. По словам того же чиновника, в двух микрорайонах Конакри местными мэрами даже создана милиция из сусу, вооруженная мачете и пистолетами. Ее основная задача — преградить путь к власти возможным соперникам Л. Конте⁵².

Вместе с тем, по свидетельствам близких знакомых президента и судя по многим его действиям, он достаточно искренне желает межэтнической консолидации, установления национального паритета в законодательной и исполнительной ветвях власти.

Подведем итоги. В Гвинее в результате развития элементов капиталистических отношений в их периферийной форме идет процесс постепенной интеграции в рамках единого государства. Объективные предпосылки для этого обеспечены, в частности, длительным периодом сосуществования населяющих Гвинею этнических групп в рамках исламизированных государств фульбе и малинке. Роль консолидирующих элементов играли также единые хозяйственно-культурные и социальные комплексы, близость языка, ислам, исповедуемый большинством населения. В период независимости более двух десятилетий всякие проявления этнического соперничества были практически невозможны. Процесс демократизации гвинейского общества в результате переворота 1984 г. открыл возможности для создания такой общности, где представители разных этнических групп пользовались бы равными правами в институтах политической власти. Однако находящиеся у руля военные власти, заявляя об уравнивании политического представительства народов Гвинеи, опирались прежде всего на сусу. Эта этниче-

ская группа ныне замещает ту роль, какую при Секу Туре играли малинке. В рядах последних и фульбе зреет недовольство, которое, тем не менее, не выливается в политические акции.

Происходящие в Гвинее события последнего времени показывают, что в условиях еще слабо интегрированного общества реальной опорой политического режима могут быть только этнические узы и армия. Подтверждается еще одно правило: при смене лидера страны соответственно изменяется и этнический состав государственного аппарата.

Реальность нынешней Гвинеи — отсутствие кровавых межнациональных распрей, несмотря на падение авторитарного режима, начавшийся процесс демократизации в политике и планируемой либерализации в экономике. Удержанию процесса в мирных рамках способствует как фактор политический (демократические нормы насаждаются сверху под достаточно жестким контролем официальной власти, легитимность которой в целом не вызывает сомнения у народов страны), так и заметная цивилизационная и экономическая «незрелость» гвинейских этносов, не достигших стадии наций.

Поэтому можно предполагать, что для африканских стран процесс перехода к демократическому строю может и не иметь тяжелых последствий, и им можно управлять, не допуская стихийного развития событий. В то же время методы решения межэтнических противоречий, очевидно, должны в большей степени учитывать традиционную политическую культуру, и при этом опираться на мощный центр, в идеале осуществляющий режим просвещенного авторитаризма.

Примечания

- ¹ Demographic Yearbook 1984. N. Y., 1986. P. 146.
- ² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 481.
- ³ Там же. С. 482.
- ⁴ Сусу проживают также в Сьерра-Леоне, Сенегале, Гамбии, Гвинее-Бисау.
- ⁵ Брук С. И. Указ. раб. С. 481—482.
- ⁶ Там же. С. 481; Гвинея. Справочник. М., 1981. С. 22, 23, 25—27; Шпажников Г. А. Религии стран Африки. Справочник. М., 1981. С. 83.
- ⁷ Брук С. И. Указ. раб. С. 482; Гвинея. Справочник. С. 27.
- ⁸ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 316.
- ⁹ Lestrangle M. de. Les Coniagui et les Bassari. P., 1955. P. 1—3, 12, 13.
- ¹⁰ Гвинея. Справочник. С. 26, 27.
- ¹¹ Куббель Л. Е. Страна золота — века, культуры, государства. М., 1990. С. 25—138.
- ¹² Сундьята. Мандингский эпос. М.; Л., 1963; Ольдерогге Д. А. Эпигамия. Избр. статьи. М., 1983. С. 260—262.
- ¹³ Куббель Л. Е. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974; *его же*. Страна золота — века, культуры, государства. С. 139—225.
- ¹⁴ Ольдерогге Д. А. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. М.; Л., 1960.
- ¹⁵ Арсеньев В. Р. Общности по клановому имени («джаму») у населения верховьев Сенегала и Нигера // Этническая история Африки. Доколониальный период. М., 1977. С. 138—152.
- ¹⁶ L'Almaty Samory Touré — illustre figure de la Résistance Africaine (1830—1900). Conakry, 1982.
- ¹⁷ Гвинея. Справочник. С. 23, 24.
- ¹⁸ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 68, 69, 309; *его же*. Очерки теории этноса. С. 321, 322.
- ¹⁹ Козлов С. Я. Фульбе Фута-Джаллона. Очерки этнической, политической и социальной истории. М., 1976. С. 27, 28; Гвинея. Справочник. С. 22.
- ²⁰ Авторитетнейший знаток современной Гвинеи К. Ривьер, например, относит первую волну фульбе к XIV в., а вторую — к XVII—XVIII вв.; Rivière C. Guinea. The Mobilization of People. Ithaca; London, 1977. P. 25.
- ²¹ См.: Козлов С. Я. Указ. раб. С. 57—66.
- ²² Catara N., Diallo M. A., Sanoussi Z. A. Langue, culture et économie dans le Futa Guinéen // Pastoralists of the West African Savanna. Manchester, 1986. P. 262.
- ²³ См.: Gerard A. African Language Literature. An Introduction to the Literary History of Sub-Saharan Africa. Wash., 1980. P. 52—57.
- ²⁴ Козлов С. Я. Указ. раб. С. 109.
- ²⁵ Johnson R. W. Educational Progress and Retrogression in Guinea (1900—1943) // Conflict and Harmony in Education in Tropical Africa. L., 1975. P. 221—225.
- ²⁶ Козлов С. Я. Указ. раб. С. 75.

- ²⁷ Goerg O. La genèse du peuplement de Conakry // Cahiers d'études africaines. 1990. Vol. 30. № 117. P. 76—79, 86—88.
- ²⁸ Исмаилова Р. Н. Этнические проблемы и национальная политика // Общество и государство в Тропической Африке. М., 1980. С. 198.
- ²⁹ Иорданский В. Б. Тупики и перспективы Тропической Африки. М., 1970. С. 393.
- ³⁰ Брук С. И. Указ. раб. С. 482.
- ³¹ Гвинея. Справочник. С. 25, 26.
- ³² Rivière C. Op. cit. P. 63.
- ³³ Ibid. P. 63, 71—73.
- ³⁴ См.: Derman W. Serfs, Peasants and Socialists. A Former Serf Village in the Republic of Guinea. Berkeley, 1973. P. 245.
- ³⁵ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 328; *его же*. Современные проблемы этнографии. С. 68, 69; Гвинея. Справочник. С. 27.
- ³⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 319.
- ³⁷ Конституция Гвинейской Республики // Конституции государств Африки. Т. 1. М., 1963. С. 146, 153.
- ³⁸ Исмаилова Р. Н. Указ. раб. С. 220, 221; Брук С. И. Указ. раб. С. 482.
- ³⁹ Саватеев А. Д. Социальная политика Гвинейской Народной Революционной Республики. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 115; *его же*. Гвинея // Механизм воздействия Запада на культуру и культурную политику африканских стран. М., 1988. С. 54.
- ⁴⁰ Исмаилова Р. Н. Указ. раб. С. 220.
- ⁴¹ Например, Touré S. Le pouvoir populaire. Conakry, 1969. P. 5—10.
- ⁴² Исмаилова Р. Н. Указ. раб. С. 199.
- ⁴³ Africa Report. 1984. Vol. 29. № 3. P. 28.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Africa Confidential. 1985. Vol. 26. № 18. P. 5.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid. 1986. Vol. 27. № 16. P. 6.
- ⁴⁸ Ibid. P. 5.
- ⁴⁹ За рубежом. 1987. № 39. С. 16.
- ⁵⁰ Jeune Afrique. 1991. № 1604. P. 76.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid. 1991. № 1592. P. 5.

Ethnos and State in the Tropical Africa (the case of Guinea)

Downfalls of dictatorships and transition to multi-party systems, as a rule cause the aggravation of ethno-political situation. This was not the case of the Guinea Republic, which after the break-up of A. S. Ture's authoritarian rule and democratization process, initiated by its contemporary leader L. Conte, is not experiencing ethnic tensions. The main reasons are the state control over democratization measures and perceptible economic and civilizational «immaturity» of the Guinea peoples, as well as the absence of mutual territorial claims among them. Interethnic tension is also relaxed by religious unity of the main ethnic groups and the common history of struggle against French colonizers.

A. D. Savateyev

© 1994 г., ЭО, № 4

Ю. П. Ш а б а е в

**КОМИ-ПЕРМЯКИ:
ПРОБЛЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ**

Об оптимизации национально-государственных отношений, росте этнического самосознания, полноценном развитии народов в последние годы написано немало. Однако многие из работ, посвященных этой тематике, имеют абстрактный, чисто теоретический характер, поскольку авторы их — не этнологи-практики.

Между тем решение проблем какого-либо конкретного народа нередко упирается не в недостаток теоретических построений, а в элементарное